

Елизавета Шишкина

Не убий

18+

Елизавета Шишкина

Не убий

«Автор»

2026

Шишкина Е. Ю.

Не убий / Е. Ю. Шишкина — «Автор», 2026

Монастырь Святой Бригитты стоит на краю мира, на маленьком острове, где чайки кричат так, будто оплакивают всех, кого уже нет. Здесь, среди серых скал и вечного тумана, живут семь сестёр. Их жизнь — это молитва, работа и тишина. Но тишина эта обманчива. Маргарет слышит голос. Он ласковый и терпеливый. Он говорит с ней с детства. Он убеждает её, что она — не убийца, а спасительница. Что каждая смерть — это не конец, а сохранение. Что любовь не отпускает. Одна за другой сёстры исчезают. Тела не находят. А Маргарет всё чаще просыпается с кровью на руках и не помнит, что произошло. Но голос помнит. И голос ведёт её дальше. Это не история об одержимости. Это история о любви, которая стала клеткой. О разуме, который сломался, спасая сам себя. И о стене, на которой кровью написано: «Не убий».

© Шишкина Е. Ю., 2026

© Автор, 2026

Елизавета Шишкина

Не убий

Глава 1. Утро на острове

Монастырь Святой Бригитты стоял на скале у самого края мира, и казалось, что он вырос из камня, а не был построен руками человека.

Остров назывался Инишмор, что по-гэльски означало «большой остров», хотя был он маленьким: три мили в длину, миля в ширину, скалы, вереск и чайки, которые кричали над морем так, будто оплакивали кого-то, кого уже давно нет. Монастырю было четыреста лет, и за это время он пережил штормы, голод, чуму и ещё триста зим, о которых никто не помнил, потому что память у людей короткая, а у камней длинная, но камни молчат.

Маргарет проснулась до рассвета, как просыпалась всегда, потому что тело привыкло к этому за двадцать лет, и она уже не помнила, что когда-то могла спать до солнца. Она лежала в маленькой келье, где были только кровать, стол, стул и распятие на стене, и смотрела в окно, узкое, как бойница, за которым было серое море, и море было серым всегда, даже летом, даже когда солнце.

Она встала, надела тёмное простое платье до щиколоток, повязала платок и посмотрела на распятие, и на мгновение ей показалось, что деревянный Христос смотрит на неё с укором, но она перекрестилась и сказала тихо:

— Господи, спасибо за этот день.

Голос молчал. Он всегда молчал по утрам, и она не знала почему. Может быть, спал. Может быть, ждал.

Она вышла в коридор, где каменный пол был холодным, и шаги её гулко отдавались в тишине, и она шла тихо, как мышь, потому что её и так никто не замечал. В часовне уже горели свечи, и Мать Ансельма стояла на коленях перед алтарём, и её спина была прямой, как доска, и она никогда не горбилась, даже в шестьдесят.

Маргарет встала рядом, опустилась на колени, сложила руки и закрыла глаза, и молитва шла легко, потому что слова сами находили дорогу, и она любила эти слова, как камни в стене, твёрдые и надёжные.

Когда она открыла глаза, рядом уже стояла Шарлотта.

Сестра Шарлотта была высокой, с прямыми плечами и подбородком, выставленным вперёд, и она всегда смотрела так, будто проверяла, достаточно ли ты стараешься. Она была правой рукой Матери Ансельмы, и всё в монастыре держалось на ней: еда, работа, распорядок, тишина.

— Доброе утро, сестра, — сказала Маргарет.

Шарлотта кивнула коротко, как отрезала.

— Ты опоздала на минуту, — сказала она. — В следующий раз вставай раньше.

Маргарет опустила глаза.

— Прости, сестра.

Шарлотта не ответила. Она уже шла к алтарю, и её шаги были громкими, потому что она не старалась быть тихой: зачем, если она Шарлотта и ей можно.

Маргарет посмотрела ей вслед, и в груди что-то шевельнулось, тёплое и знакомое, и она подумала, что Шарлотта хорошая, просто строгая, просто защищает их всех.

Голос молчал, но где-то глубоко, на самом дне, что-то шепнуло, и это было так тихо, что Маргарет не услышала.

После молитвы была трапеза.

Трапезная была большой, с длинным столом и деревянными лавками, и в ней пахло хлебом и овсянкой, и сестра Агата стояла у плиты, как стояла всегда, и готовила для всех. Она

была доброй и мягкой, с ямочками на щеках, и когда она улыбнулась Маргарет, улыбка её была такой тёплой, что становилось легче дышать.

— Доброе утро, сестра, — сказала Агата. — Ты сегодня рано.

— Шарлотта сказала, что я опоздала, — тихо ответила Маргарет.

Агата засмеялась тихо и тепло.

— Шарлотта всегда так говорит. Не обращай внимания. Садись, я тебе побольше каши положу.

Маргарет села, и Агата поставила перед ней миску, и каша была горячей, и пар шёл над ней, и Маргарет обхватила миску руками и почувствовала тепло, живое и настоящее.

За столом уже сидели остальные.

Сестра Беатрис была молчаливой, с тёмными кругами под глазами, и она смотрела в стену и что-то шептала, и никто не обращал на неё внимания, потому что Беатрис всегда была такой. Сестра Кэтрин была юной, румяной, с растрёпанными волосами, и она что-то рисовала пальцем на столе, и когда увидела Маргарет, улыбнулась и сказала:

— Сестра Маргарет! Ты видела, какие сегодня чайки? Они летали так низко, я думала, они сядут на окно.

— Чайки — вестницы Божьи, — сказала Мать Ансельма, садясь во главе стола. — Они приносят нам вести с большой земли.

— А какие вести? — спросила Кэтрин.

— Разные, — сказала Мать Ансельма. — Иногда добрые. Иногда не очень.

Она посмотрела на Маргарет, и смотрела долго, и Маргарет опустила глаза, потому что не выдержала этого взгляда.

Сестра Дороти сидела напротив и читала книгу, маленькую и потрёпанную, с латинским названием, и она всегда читала за едой, и Шарлотта делала ей замечания, а Дороти не реагировала.

— Что ты читаешь? — спросила Маргарет.

Дороти подняла глаза, умные и ироничные.

— Трактат о демонологии, — сказала она. — Хочешь послушать?

— Дороти, — сказала Шарлотта. — Прекрати.

Дороти пожала плечами, закрыла книгу, но не убрала её.

Сестра Элеонор сидела в углу, тихая и незаметная, и Маргарет иногда забывала, что она здесь, потому что Элеонор всегда сидела в углу, ела медленно, смотрела в миску и не поднимала глаз.

Маргарет смотрела на них всех и чувствовала, как в груди теплеет, и думала, что это её семья, что это её сёстры, что она их любит.

Голос молчал, но где-то глубоко, на самом дне, что-то улыбнулось.

После трапезы была работа.

Маргарет помогала в саду, где росли розы, вереск и чахлые кусты крыжовника, и Кэтрин копала землю, а Маргарет собирала сухие листья, и в какой-то момент Кэтрин спросила:

— Сестра Маргарет, а ты помнишь свою маму?

Маргарет замерла, и рука с листом повисла в воздухе.

— Помню, — сказала она тихо.

— А какая она была?

Маргарет молчала долго, а потом сказала:

— Она была красивая. У неё были длинные волосы и глаза, как у меня.

— А почему ты здесь? Почему она тебя отдала?

Маргарет посмотрела на розы, которые уже не цвели и стояли голые, с шипами, и сказала:

— Она сказала, что так будет лучше. Что здесь я буду ближе к Богу.

Кэтрин кивнула, потому что была юной и верила в Бога и в добро, и сказала:

— Наверное, она тебя любила.

Маргарет улыбнулась слабо.

— Наверное.

Она не сказала, что мать била её, что запирали в тёмной комнате, что говорила, что она грешна и должна страдать. Она не сказала, что мать уехала и никогда не вернулась. Она не сказала, что иногда ночью она всё ещё слышит её голос.

Но это был не голос матери. Это был другой голос. Тот, что жил внутри.

Он молчал. Пока.

Вечером снова была молитва.

Свечи, тени на стенах, шёпот, и Мать Ансельма читала Писание ровным спокойным голосом.

— Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Маргарет закрыла глаза и захотела быть чистой, захотела узреть Бога, захотела, чтобы голос внутри неё замолчал. Но голос не молчал. Он ждал.

— Ты чиста, — сказал он. — Ты всегда была чиста. Это они. Они грешны.

Маргарет открыла глаза, и никто не смотрел на неё, потому что все молились, и она снова закрыла глаза и сделала вид, что не слышит.

Ночью она лежала в келье и смотрела в потолок, где была трещина, похожая на реку, и голос молчал, но она знала, что он вернётся.

Она закрыла глаза и уснула.

Глава 2. Семь сестёр

Маргарет любила утро, но не потому, что оно было красивым, ведь серое небо, серое море и серые камни трудно назвать красивыми. Она любила его за тишину, потому что в утренние часы, до первой молитвы, монастырь принадлежал ей одной, и она ходила по коридорам, слушала, как ветер бьётся в окна, и чувствовала, что здесь она в безопасности и что здесь её никто не тронет.

В это утро она вышла в сад, где розы стояли мокрые от росы, и Кэтрин уже копошилась в земле, потому что всегда вставала раньше всех.

— Сестра Кэтрин, — позвала Маргарет. — Ты почему не на молитве?

Кэтрин обернулась, и лицо у неё было чумазое, а волосы выбились из-под платка.

— Я молюсь здесь, — сказала она. — Бог же не только в часовне, правда?

Маргарет улыбнулась, потому что Кэтрин была самой младшей, ей было двадцать два, и она пришла в монастырь год назад, сбежав от жениха, который её бил, и об этом знали только Мать Ансельма и Маргарет, потому что Кэтрин доверилась ей одной.

— Правда, — сказала Маргарет. — Но Шарлотта будет ругаться.

— Шарлотта всегда ругается, — фыркнула Кэтрин. — Она как чайка: кричит, кричит, а потом улетает.

Маргарет засмеялась тихо, чтобы не услышали.

За завтраком Шарлотта действительно ругалась.

— Кэтрин, ты опять не была на молитве, — сказала она, ставя перед ней миску. — Это непослушание.

— Я молилась в саду, — сказала Кэтрин.

— Устав един для всех, — отрезала Шарлотта. — Если ты не можешь соблюдать устав, может, тебе не место в монастыре?

Кэтрин вспыхнула, и Агата положила руку ей на плечо.

— Шарлотта, — сказала она мягко. — Она ребёнок. Дай ей время.

— Она не ребёнок, — сказала Шарлотта. — Ей двадцать два. В её возрасте я уже десять лет была послушницей.

Мать Ансельма подняла руку, и все замолчали.

— Достаточно, — сказала она. — Шарлотта, сядь. Кэтрин, в следующий раз молись в часовне. Агата, каша сегодня отличная.

Шарлотта села, но её глаза остались холодными.

Маргарет смотрела на неё и думала, почему она такая и почему всегда злится, и голос внутри молчал, но где-то на дне что-то шепнуло, что Шарлотта несчастна, что она тоже страдает и что Маргарет должна ей помочь.

Маргарет опустила глаза, потому что не понимала, что это значит. Пока.

После завтрака Дороти позвала Маргарет в библиотеку.

Библиотека была любимым местом Маргарет, потому что там пахло пылью и воском, и там было тихо, и там можно было спрятаться от всех. Дороти сидела за столом, разложив перед собой старые рукописи, и когда Маргарет вошла, она подняла глаза и сказала:

— Посмотри. Это дневник одной из первых сестёр, той, что основала монастырь.

Маргарет села рядом, и Дороти, которая читала на латыни, на гэльском и на французском и знала историю монастыря лучше, чем Мать Ансельма, сказала:

— Она пишет о голосах. О том, что слышала их. Что они говорили ей, что делать.

Маргарет замерла.

— Голосах?

— Да, — сказала Дороти и подняла глаза. — Она называла их ангелами. А ты? Ты когда-нибудь слышишь голоса, сестра?

Маргарет покачала головой, слишком быстро.

— Нет, — сказала она. — Никогда.

Дороти кивнула, но её глаза остались задумчивыми.

Вечером Маргарет пошла в часовню, где уже была Беатрис, которая стояла на коленях перед алтарём и что-то шептала, и Маргарет хотела уйти, но Беатрис обернулась.

— Сестра Маргарет, — сказала она странным голосом, будто говорила не с Маргарет, а с кем-то другим. — Ты слышишь их?

Маргарет замерла.

— Кого?

— Ангелов, — Беатрис улыбнулась. — Они поют. Разве ты не слышишь? Они поют так красиво.

Маргарет прислушалась, но была тишина, только ветер и чайки.

— Нет, — сказала она. — Я ничего не слышу.

Беатрис кивнула, и улыбка не сошла с её лица.

— Услышишь, — сказала она. — Они приходят ко всем. Рано или поздно.

Она отвернулась и снова начала шептать, и Маргарет вышла из часовни, и сердце билось быстро, и она подумала, что Беатрис просто сумасшедшая, но голос внутри неё молчал, и это было хуже всего.

Ночью Маргарет не спала. Она лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, и голос молчал, но она чувствовала его, потому что он был рядом и ждал.

— Ты слышишь их? — спросила Беатрис.

— Ты когда-нибудь слышишь голоса? — спросила Дороти.

Маргарет закрыла глаза, потому что не хотела думать об этом, хотела спать, хотела, чтобы всё было как раньше, но голос внутри неё улыбнулся и сказал:

— Скоро. Скоро ты всё поймёшь.

Маргарет открыла глаза, и в комнате было темно, только свеча горела на столе, и она села и посмотрела на распятие.

— Господи, — прошептала она. — Что со мной?
Ответа не было. Только голос. Только шёпот. Только тишина.

Глава 3. Голос

Это случилось в четверг.

Маргарет мыла пол в часовне, и вода была холодной, тряпка тяжёлой, колени ныли, и она работала молча, как всегда, потому что сёстры не любили болтать во время работы, особенно Шарлотта. Шарлотта мыла скамьи быстро и резко, будто наказывала дерево, и Маргарет смотрела на её спину и думала, почему она такая злая и что с ней случилось.

Голос появился внезапно. Не шёпот, не мысль, а голос, ясный, тихий и спокойный, как будто кто-то стоял рядом и говорил ей на ухо.

— Она грешна.

Маргарет вздрогнула, и тряпка выпала из рук, и вода плеснула на пол.

— Сестра Маргарет? — Шарлотта обернулась. — Что с тобой?

— Ничего, — быстро сказала Маргарет. — Просто холодная вода.

Шарлотта прищурилась, но ничего не сказала, отвернулась и продолжила мыть, а Маргарет снова взяла тряпку, и руки дрожали, и она подумала, что устала, просто устала.

Голос молчал, но она чувствовала его, потому что он был рядом и смотрел.

Ночью она не спала. Она лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, и считала чаек: одну, две, три, а потом сбилась.

Голос вернулся.

— Ты не устала, — сказал он. — Ты просто слышишь меня. Наконец-то.

Маргарет зажмурилась и подумала, что это искушение, что это дьявол и что она должна молиться. Она села, взяла чётки и начала шептать:

— Отче наш, Иже еси на небесех...

— Зачем ты молишься? — спросил голос. — Я здесь. Я всегда был здесь. Я ждал тебя.

Маргарет сжала чётки сильнее, до боли.

— Да святится имя Твое...

— Ты не хочешь меня слушать, — сказал голос. — Но ты будешь. Потому что я единственный, кто тебя любит.

Маргарет открыла глаза, и в комнате было темно, только свеча, только тени, только тишина.

— Кто ты? — прошептала она.

Голос улыбнулся, и она не видела улыбку, но чувствовала её.

— Я тот, кто знает тебя. Тот, кто видел, как ты страдала. Тот, кто хочет, чтобы ты была счастлива.

Маргарет покачала головой, и слёзы потекли по щекам.

— Ты не Бог, — сказала она. — Бог не говорит так.

— А как говорит Бог? — голос был ласковым и терпеливым. — Он говорит через Писание, через молитву, через людей. А я говорю через тебя. Разве это не чудо?

Маргарет не ответила. Она легла, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза, и голос молчал, но она знала, что он не ушёл.

Утром она пошла к Матери Ансельме.

Настоятельница сидела в своей келье, которая была маленькой, но не такой, как у других, потому что у неё был стол, кресло и икона на стене, и она читала, а когда увидела Маргарет, отложила книгу.

— Что случилось, дочь моя?

Маргарет опустила на колени и сложила руки, как на исповеди.

— Матушка, — сказала она. — Я слышу голос.

Мать Ансельма не изменилась в лице, и смотрела спокойно.

— Какой голос?

— Он говорит со мной. Ночью. И днём. Он... — Маргарет запнулась. — Он говорит, что любит меня. Что хочет, чтобы я была счастлива.

Мать Ансельма молчала долго, а потом сказала:

— Это искушение. Дьявол приходит ко всем. Он принимает разные формы. Он ласковый. Он обещает покой. Но он лжёт.

— Что мне делать?

— Молись. Постись. Игнорируй его. Он уйдёт.

Маргарет кивнула, но в груди что-то сжалось, потому что она подумала, что он не уйдёт, что он никогда не уйдёт.

Мать Ансельма посмотрела на неё внимательно.

— Маргарет, — сказала она. — Ты помнишь свою мать?

Маргарет замерла.

— Помню.

— Она тоже слышала голоса. Она тоже думала, что они от Бога. Но они были не от Бога. Они были от дьявола. И она... — Мать Ансельма замолчала. — Она не справилась.

Маргарет смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Что с ней случилось?

— Она умерла, — сказала Мать Ансельма. — В лечебнице. Для душевнобольных.

Маргарет не помнила этого, потому что ей сказали, что мать уехала и что она не вернётся.

— Почему вы не сказали мне?

— Ты была ребёнком. Мы хотели тебя защитить.

Мать Ансельма встала, подошла к Маргарет и положила руку ей на голову.

— Ты не она, — сказала она. — Ты сильнее. Ты справишься. Молись. И не слушай голос.

Маргарет кивнула, но когда она вышла из кельи, голос уже ждал её.

— Она лжёт, — сказал он. — Твоя мать не была сумасшедшей. Она была святой. И ты святая. Ты просто ещё не знаешь.

Вечером Маргарет не пошла на молитву.

Она сказала, что плохо себя чувствует, и Шарлотта посмотрела на неё с подозрением, но ничего не сказала. Маргарет лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, и голос был рядом, и он не говорил, он просто был, и это было спокойно, уютно, как будто кто-то держал её за руку.

— Ты не дьявол, — прошептала Маргарет.

— Нет, — сказал голос. — Я твой ангел. Я всегда был с тобой. С самого детства. Я видел, как тебя били. Я видел, как ты плакала. Я хотел тебе помочь. Но ты не слышала меня. Теперь слышишь.

Маргарет закрыла глаза, и слёзы потекли по щекам.

— Почему сейчас?

— Потому что пришло время. Потому что ты готова.

— К чему?

Голос улыбнулся.

— К правде.

Маргарет открыла глаза, и в комнате было темно, свеча погасла, и только звёзды за окном, только чайки, только море.

Она села и посмотрела на распятие.

— Господи, — прошептала она. — Если это Ты, скажи мне. Если это не Ты, защити меня.

Ответа не было. Только голос. Только шёпот. Только тишина.

— Скоро, — сказал он. — Скоро ты всё поймёшь. Скоро ты увидишь, кто грешен. И ты очистишь их.

Маргарет не ответила. Она легла и закрыла глаза, и впервые за много лет ей было спокойно.

Глава 4. Находка

Утро началось как обычно, и Маргарет проснулась до рассвета, надела платье, повязала платок, посмотрела на распятие и перекрестилась.

— Господи, спасибо за этот день.

Голос молчал, как молчал всегда по утрам, но сегодня молчание было другим, плотным, как будто кто-то стоял за дверью и ждал. Маргарет вышла в коридор, где каменный пол был холодным, и шаги её гулко отдавались в тишине, и она шла тихо, но сегодня тишина была слишком тихой: ни ветра, ни чаек, ни скрипа половиц.

Она вошла в часовню, где горели свечи, и Мать Ансельма стояла на коленях перед алтарём, и спина её была прямой, как доска. Маргарет встала рядом, опустилась на колени, сложила руки и закрыла глаза, и молитва шла легко, потому что слова сами находили дорогу.

Потом она открыла глаза и увидела.

Сестра Элеонор лежала на полу перед алтарём, на спине, руки сложены на груди, глаза открыты, и она смотрела в потолок, как будто молилась, как будто спала, как будто всё ещё была здесь. Но она не дышала.

Маргарет закричала.

Крик разбудил всех.

Первой прибежала Шарлотта, за ней Агата, Кэтрин и Дороти, а Беатрис пришла последней и стояла в дверях и улыбалась, и никто не обратил на неё внимания. Шарлотта опустилась на колени рядом с телом, проверила пульс и посмотрела на Мать Ансельму.

— Она мертва, — сказала она.

Мать Ансельма стояла и смотрела, и лицо у неё было каменным.

— Как? — прошептала Кэтрин. — Как это случилось?

— Ни следов, ни крови, — сказала Шарлотта. — Она просто остановилась.

Агата заплакала, и Кэтрин обняла её, а Дороти стояла молча и смотрела на тело, а потом на Маргарет, и смотрела долго.

Маргарет стояла в стороне и дрожала, потому что не помнила, как Элеонор оказалась здесь, не помнила, как сама оказалась в часовне, не помнила ничего.

— Ты не убивала, — сказал голос. — Ты освободила её. Она была грешна. Теперь она с Богом.

Маргарет зажала уши руками, но голос был внутри, и его нельзя было заглушить.

Мать Ансельма распорядилась перенести тело в подвал.

— Мы не можем вызвать полицию, — сказала она. — Шторм. Лодка не придёт ещё три дня.

— Но кто-то же её убил! — сказала Шарлотта.

— Мы не знаем, что это убийство, — сказала Мать Ансельма. — Может, сердце. Может, Бог забрал её.

— Бог не забирает людей так, — сказала Дороти. — Без причины. Без болезни. Без боли. Мать Ансельма посмотрела на неё холодно.

— Мы не знаем причин Божьих, — сказала она. — Мы можем только молиться.

Они перенесли тело, и Маргарет помогала, и она держала Элеонор за ноги, и ноги были холодные, тяжёлые, как камень, и она смотрела на лицо Элеонор, на открытые глаза и сложенные руки, и думала, что та выглядит спокойной, как будто действительно спит.

— Она счастлива, — сказал голос. — Она больше не страдает. Ты помогла ей.

Маргарет сглотнула, и во рту было сухо, и она не помнила, как это сделала, но где-то глубоко, на самом дне, что-то знало.

Вечером они собрались в трапезной, и никто не ел, потому что Агата приготовила суп, но он остыл, и ложки лежали нетронутые.

— Кто-то из нас, — сказала Шарлотта. — Это кто-то из нас.

— Почему ты так думаешь? — спросила Кэтрин.

— Потому что сюда никто не может попасть. Остров. Шторм. Ворота закрыты. Мы одни.

— Может, это был несчастный случай, — сказала Агата. — Может, она просто умерла.

— Люди не умирают просто так, — сказала Дороти. — Особенно в двадцать пять.

Беатрис сидела в углу, что-то шептала и улыбалась.

— Беатрис, — резко сказала Шарлотта. — Ты что-то знаешь?

Беатрис подняла глаза, ясные и спокойные.

— Ангелы, — сказала она. — Они поют. Они забрали её.

— Что? — Шарлотта встала. — Что ты сказала?

— Ангелы, — повторила Беатрис. — Они приходили к ней ночью. Они пели. Она ушла с ними.

— Ты сумасшедшая, — сказала Шарлотта. — Ты просто сумасшедшая.

Беатрис улыбнулась и снова начала шептать.

Мать Ансельма подняла руку.

— Достаточно, — сказала она. — Мы все напуганы. Мы все устали. Идите спать. Утром всё будет ясно.

Маргарет встала, потому что хотела уйти, но Дороти схватила её за руку.

— Сестра Маргарет, — сказала она тихо. — Ты была в часовне первой. Ты нашла её.

— Да, — сказала Маргарет, и голос дрожал.

— Ты что-нибудь видела? Что-нибудь странное?

Маргарет покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Ничего.

Дороти смотрела на неё долго, а потом отпустила руку.

— Ладно, — сказала она. — Иди спать.

Маргарет ушла, и она чувствовала на себе взгляд Дороти, и взгляд Беатрис, и взгляд Матери Ансельмы, но не обернулась.

Ночью она лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, и голос был рядом, и он не говорил, он просто был.

— Я не помню, — прошептала Маргарет. — Я не помню, как это случилось.

— И не нужно, — сказал голос. — Ты сделала то, что должна была. Ты освободила её. Теперь она счастлива. Теперь она с Богом.

— Но я не хотела...

— Хотела, — сказал голос. — Ты просто не знала. Теперь знаешь. И ты будешь делать это снова. Потому что они все грешны. Все до одной.

Маргарет закрыла глаза, и слёзы потекли по щекам.

— Я не хочу, — прошептала она.

— Ты хочешь, — сказал голос. — Ты хочешь, чтобы они были счастливы. Чтобы они не страдали. Ты хочешь, чтобы они были с тобой. Навсегда.

Маргарет не ответила. Она просто лежала и слушала, и где-то глубоко, на самом дне, что-то соглашалось.

Утром тело Элеонор исчезло.

Шарлотта спустилась в подвал и вернулась бледная.

— Её нет, — сказала она. — Тела нет.

— Как нет? — спросила Кэтрин.

— Нет. Просто нет. Пусто.

Все переглянулись, и Мать Ансельма закрыла глаза, и Дороти смотрела на Маргарет, и Беатрис улыбалась.

Маргарет стояла, смотрела в пол и чувствовала, как что-то внутри неё улыбается. Она не помнила, но тело было внутри неё, и оно было тёплым.

Глава 5. Первый страх

Прошло три дня.

Тело Элеонор так и не нашли, и Шарлотта обыскала весь монастырь: подвал, кладовые, башню, даже старый колодец за садом, но ничего не нашла, потому что тело исчезло, а люди и тела не исчезают просто так.

— Люди не исчезают, — сказала она за завтраком. — Тела не исчезают. Это невозможно.

— Бог может всё, — тихо сказала Агата.

— Бог не крадёт тела, — отрезала Шарлотта.

Мать Ансельма молчала, и она ела медленно, смотрела в тарелку, и Маргарет наблюдала за ней и видела, что настоятельница знает больше, чем говорит, потому что она сжимала ложку слишком сильно, не поднимала глаз и ждала.

— Мы должны молиться, — сказала Мать Ансельма наконец. — Это испытание. Бог проверяет нашу веру.

— А если это не Бог? — спросила Дороти. — Если это кто-то из нас?

Все замолчали, и ложки замерли в воздухе.

— Дороти, — сказала Шарлотта. — Прекрати.

— Кто-то из нас, — повторила Дороти. — Мы одни на острове. Шторм. Лодка не придёт ещё неделю. Элеонор мертва. Тела нет. И ты хочешь сказать, что это Бог?

— Я хочу сказать, — сказала Шарлотта, — что мы не должны обвинять друг друга. Мы сёстры. Мы семья.

— Семья не убивает, — сказала Дороти.

— Хватит, — сказала Мать Ансельма. — Довольно. Ешьте. Потом работа. Мы не можем сидеть и ждать. Мы должны жить.

Они ели молча, но страх уже вошёл в трапезную, сел за стол, смотрел на них и улыбался.

Маргарет работала в саду.

Земля была мокрая, розы стояли голые, с шипами, и она собирала сухие листья, и руки дрожали, потому что она не спала три ночи. Голос молчал, но она чувствовала его, потому что он был рядом и ждал.

— Сестра Маргарет?

Она обернулась и увидела Кэтрин, которая стояла рядом, бледная, с красными глазами.

— Ты плакала? — спросила Маргарет.

Кэтрин кивнула.

— Я боюсь, — сказала она. — Я не хочу умирать.

Маргарет положила руку ей на плечо.

— Ты не умрёшь, — сказала она. — Бог защитит тебя.

— А Элеонор? Бог не защитил её.

Маргарет не ответила, потому что не знала, что сказать.

— Я слышала, — прошептала Кэтрин. — Ночью. Шаги. В коридоре. Кто-то ходил.

Маргарет замерла.

— Ты уверена?

— Да. Я не спала. Я боялась. И слышала шаги. Медленные. Тихие. Как будто кто-то крадётся.

— Может, это была Шарлотта. Или Мать Ансельма.

— Нет. Я смотрела. Никто не вышел из келий. Но шаги были. Я слышала.

Маргарет сглотнула, и во рту стало сухо.

— Это ты, — сказал голос. — Ты ходила. Ты искала. Ты готовилась.

Маргарет зажмурилась и подумала, что это не она, что это не она, но голос молчал, и это было хуже всего.

— Сестра Маргарет? — Кэтрин смотрела на неё. — С тобой всё хорошо?

— Да, — сказала Маргарет. — Просто устала.

Она вернулась к работе, но руки дрожали сильнее.

Вечером она пошла в часовню, где горели свечи, и тени лежали на стенах, и она опустилась на колени перед алтарём и сложила руки.

— Господи, — прошептала она. — Помоги мне. Я не хочу слушать его. Я хочу быть чистой.

— Ты чиста, — сказал голос. — Ты всегда была чиста. Это они. Они грешны.

— Нет, — сказала Маргарет. — Они хорошие. Они добрые. Они мои сёстры.

— Ты не знаешь их, — сказал голос. — Ты не знаешь, что они скрывают. Шарлотта убила мужа. Агата влюблена в женщину. Дороти читает запрещённые книги. Беатрис сумасшедшая. Кэтрин сбежала от жениха. Они все грешны. Все до одной.

Маргарет открыла глаза, и слёзы потекли по щекам.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, — сказал голос. — Я видел их сердца. Я видел их грехи. Они недостойны. Они должны быть очищены.

Маргарет покачала головой, потому что хотела встать и уйти, но тело не слушалось.

— Ты моя рука, — сказал голос. — Ты моё орудие. Через тебя я очищу этот дом. Через тебя я верну их к свету.

— Я не хочу, — прошептала Маргарет.

— Ты хочешь, — сказал голос. — Ты хочешь, чтобы они были счастливы. Чтобы они не страдали. Ты хочешь, чтобы они были с тобой. Навсегда.

Маргарет закрыла глаза и больше не сопротивлялась.

Ночью она не спала. Она лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, и голос был рядом, и он пел тихо и красиво, как колыбельную, и Маргарет слушала, и впервые за много лет ей было спокойно.

— Скоро, — сказал голос. — Скоро ты всё поймёшь. Скоро ты увидишь, кто грешен. И ты очистишь их.

Маргарет закрыла глаза.

— Да, — прошептала она. — Да.

Утром она проснулась с чувством, что что-то изменилось.

Она встала, надела платье, повязала платок, посмотрела на распятие и перекрестилась.

— Господи, спасибо за этот день.

Голос молчал, но она знала, что он рядом и что он всегда рядом. Она вышла в коридор, где каменный пол был холодным, и шаги её гулко отдавались в тишине, и она шла тихо, но сегодня тишина была другой, как будто кто-то дышал за стеной.

В часовне уже были сёстры: Мать Ансельма стояла на коленях, Шарлотта рядом, а Агата, Кэтрин, Дороти и Беатрис позади. Маргарет встала на колени, сложила руки и закрыла глаза.

Отче наш, Иже еси на небесех...

Она молилась и чувствовала, как что-то внутри неё растёт, что-то тёмное, что-то голодное.

— Скоро, — сказал голос. — Скоро.

После молитвы Шарлотта подошла к ней.

— Сестра Маргарет, — сказала она. — Ты сегодня странная.

— Я в порядке, — сказала Маргарет.

— Ты бледная. Ты не ешь. Ты не спишь.

— Я просто устала.

Шарлотта смотрела на неё долго, а потом сказала:

— Если ты что-то знаешь, скажи. Если ты что-то видела, скажи. Мы должны быть вместе.

Маргарет кивнула.

— Я ничего не знаю, — сказала она. — Я ничего не видела.

Шарлотта отвернулась и ушла, а Маргарет смотрела ей вслед и чувствовала, как голос внутри неё улыбается.

— Она следующая, — сказал он. — Она грешна. Она должна быть очищена.

Маргарет закрыла глаза.

— Да, — прошептала она. — Да.

Глава 6. Пустая скамья

Маргарет не спала.

Она лежала в келье и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река на старинной карте, и слушала, как за окном кричат чайки, как ветер бьётся в стены и как море шумит внизу, за скалами, и в этом шуме не было ничего нового, но сегодня он казался ей другим, будто кто-то стоял за дверью и ждал, когда она заснёт.

Голос молчал, но она чувствовала его присутствие так ясно, как чувствовала бы чужое дыхание у себя над ухом.

— Иди в часовню, — сказал он наконец. — Проверь.

Маргарет села, и в комнате было темно, только звёзды светили в узкое окно, только тени лежали на стенах, и она спросила шёпотом:

— Зачем?

— Проверь, — повторил голос. — Ты должна увидеть.

Она встала, надела платье, не стала зажигать свечу и вышла в коридор, где каменный пол был холодным, и босые ноги мёрзли, и она шла тихо, как мышь, как тень, считая двери: келья Шарлотты, келья Агаты, келья Кэтрин, келья Дороти, келья Беатрис, келья Матери Ансельмы и пустая келья Элеонор, в которой уже никто не жил.

Она остановилась возле этой двери и прислушалась, но там была только тишина, только ветер, только чайки и её собственное дыхание, и она пошла дальше, к часовне.

Дверь была открыта.

Маргарет замерла, потому что помнила, что вчера вечером Шарлотта запирала часовню, как запирала всегда, и ключ был у неё, и никто, кроме неё, не мог войти сюда ночью. Но дверь была открыта, и петли скрипнули, когда Маргарет толкнула её, и она вошла внутрь, где свечи не горели и где только луна светила в узкие окна, и тени лежали на полу, как чьи-то руки, как чьи-то пальцы.

Она подошла к алтарю.

Скамья, на которой ещё недавно лежала Элеонор, была пуста.

Маргарет замерла, и сердце её билось быстро, и в горле пересохло, и она прошептала:

— Элеонор?

Ответа не было, только эхо, только тишина, и она опустилась на колени и провела рукой по полу, но камень был холодным, и не было ни крови, ни следа, ни ничего.

— Ты забрала её, — сказал голос. — Ты сохранила её. Теперь она с тобой.

Маргарет зажала уши руками.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Я не делала этого. Я не помню.

— Ты не помнишь, потому что не хочешь, — сказал голос. — Но ты сделала это. Ты сделала это, потому что любишь её. Ты не хотела, чтобы она ушла. Ты хотела, чтобы она осталась. Навсегда.

Маргарет заплакала тихо и беззвучно, и слёзы текли по щекам, и она не вытирала их.

— Я не хотела, — прошептала она. — Я не хотела.

— Ты хотела, — сказал голос. — И ты сделаешь это снова. Потому что они все грешны. Потому что они все должны быть очищены. Потому что ты моя рука.

Маргарет сидела на полу, смотрела на пустую скамью и чувствовала, как что-то внутри неё улыбается.

Она не помнила, как вернулась в келью.

Она лежала на кровати и смотрела в потолок, где трещина изгибалась, как река, как ветка, как чья-то рука, и руки у неё были липкие, и она поднесла их к лицу, и в темноте не было видно, но она чувствовала что-то тёплое, что-то густое, что-то живое.

Она зажгла свечу и увидела кровь.

Маргарет закричала, но крик застрял в горле, и вышел только хрип, только шёпот, и она смотрела на свои руки, на тёмную густую кровь, которая уже начинала засыхать.

— Не бойся, — сказал голос. — Это не твоя кровь. Это её кровь. Она внутри тебя. Она с тобой. Навсегда.

— Что я сделала? — прошептала Маргарет.

— Ты сделала то, что должна была. Ты очистила её. Ты сохранила её. Теперь она счастлива. Теперь она с Богом. И с тобой.

Маргарет закрыла глаза, и слёзы текли, и она не вытирала их, и просто сидела и смотрела на свои руки, на кровь, которая была доказательством того, чего она не помнила.

Утром она вымыла руки.

Вода была холодной, и кровь смывалась медленно и неохотно, как будто не хотела уходить, и Маргарет тёрла руки сильнее, до боли, до красноты, но всё равно чувствовала её на коже, под кожей, внутри.

— Ты не сможешь это, — сказал голос. — Это часть тебя. Это дар. Это благословение.

Маргарет вышла из кельи, и в коридоре было тихо, потому что сёстры ещё спали, и она пошла в трапезную, где Агата уже стояла у плиты и улыбнулась ей.

— Доброе утро, сестра. Ты рано.

— Не спалось, — сказала Маргарет.

Агата посмотрела на неё внимательно.

— Ты бледная. Ты плохо выглядишь.

— Я в порядке.

— Ты в порядке? — Агата подошла ближе. — Ты дрожишь.

Маргарет посмотрела на свои руки, которые дрожали мелко и постоянно, и сказала:

— Просто холодно.

Агата кивнула, но в её глазах было что-то знающее, что-то, от чего Маргарет стало не по себе.

За завтраком Шарлотта объявила:

— Мы должны обыскать монастырь. Ещё раз. Внимательнее.

— Зачем? — спросила Кэтрин.

— Тело Элеонор исчезло. Кто-то его забрал. Кто-то из нас.

— Шарлотта, — сказала Мать Ансельма. — Мы уже искали.

— Плохо искали, — отрезала Шарлотта. — Я хочу проверить каждую комнату. Каждый угол. Каждую щель.

— Это займёт весь день.

— Пусть.

Мать Ансельма вздохнула и кивнула.

— Хорошо. После молитвы.

Маргарет сидела, смотрела в тарелку и не ела, потому что не могла, и руки дрожали.

— Они не найдут, — сказал голос. — Ты хорошо спрятала. Ты хорошо сохранила.

Маргарет закрыла глаза.

Обыск начался после молитвы.

Шарлотта распределила обязанности, и каждой сестре досталась своя зона, и Маргарет досталась часовня. Она вошла туда, где горели свечи и где тени лежали на стенах, и опустилась на колени, и проверила под скамьями, и ничего не нашла, и проверила алтарь, и снова ничего, и проверила пол, и там тоже ничего не было.

Она уже хотела уйти, но голос сказал:

— Под алтарём. Посмотри под алтарём.

Маргарет замерла, а потом подошла к алтарю и отодвинула тяжёлый камень, и под ним был тайник, маленький, тёмный и пустой.

— Здесь ты её держала, — сказал голос. — Здесь ты её сохранила. Пока не перенесла в себя.

Маргарет смотрела на тайник, и сердце её билось, и в горле пересохло.

— Я не помню, — прошептала она.

— Не помнишь, — согласился голос. — Но тело помнит. Тело знает.

Маргарет закрыла тайник, отодвинула камень и встала, и вышла из часовни, где Шарлотта ждала её.

— Ну что? — спросила она.

— Ничего, — сказала Маргарет. — Ничего нет.

Шарлотта смотрела на неё долго, а потом кивнула.

— Ладно. Идём.

Они пошли, и Маргарет шла за ней и чувствовала, как что-то внутри неё улыбается.

Вечером они собрались в трапезной, и никто ничего не нашёл, потому что тело Элеонор исчезло бесследно.

— Может, это Бог, — тихо сказала Агата. — Может, Он забрал её.

— Бог не крадёт тела, — сказала Шарлотта.

— А кто тогда?

— Кто-то из нас.

Тишина повисла такая, что стало слышно, как ветер бьётся в окна, и все смотрели друг на друга, и в этом взгляде было подозрение, страх и паранойя, и Маргарет смотрела в тарелку, и руки её дрожали.

— Скоро, — сказал голос. — Скоро они узнают. Скоро они поймут. Но будет поздно. Потому что ты моя рука.

Маргарет закрыла глаза, и впервые за много лет ей было спокойно.

Глава 7. Поиски

Прошло ещё два дня, и монастырь начал меняться.

Перемены были почти незаметны, если не знать, куда смотреть, но Маргарет чувствовала их кожей: сёстры стали говорить тише, чем обычно, и паузы между словами сделались длиннее, и они перестали задерживаться в коридорах после молитвы, и больше не собирались вместе в трапезной, чтобы обсудить хозяйственные дела, и каждая словно отгородилась от остальных невидимой стеной.

Дороти первой перестала спускаться к завтраку, сказав, что будет работать в библиотеке и что еду ей можно приносить в келью, и Шарлотта возразила, но Мать Ансельма неожиданно согласилась, и это удивило всех. После этого Агата начала запираяться в трапезной, а Беатрис вовсе перестала выходить из часовни, где проводила целые дни на коленях перед алтарём.

Маргарет ходила между ними как тень и почти не разговаривала, потому что боялась собственного голоса: стоило ей открыть рот, как внутренний шёпот становился громче, заглушая всё остальное.

Тем утром она решила помочь Дороти в библиотеке.

Комната встретила её запахом старой бумаги и воска, и Дороти сидела за столом, заваленным рукописями, и не подняла головы, когда Маргарет вошла, и только когда та присела напротив, она отложила перо и посмотрела на неё внимательно, как смотрят на человека, которого давно подозревают в чём-то.

— Ты плохо выглядишь, сестра, — сказала Дороти. — Ты вообще спишь?

— Сплю, — ответила Маргарет, хотя это была неправда. — Просто устала.

— Мы все устали. Только усталость у всех разная. Кто-то не спит от страха, а кто-то от чего-то другого.

Маргарет промолчала, потому что смотрела на книги, разложенные перед Дороти, и пыталась понять, что та ищет.

— Что ты читаешь? — спросила она наконец.

— Историю нашего монастыря, — сказала Дороти и пододвинула к ней одну из рукописей. — Здесь записи настоятельниц за последние двести лет. Я ищу упоминания о смертях. О любых смертях, которые здесь случались.

— Зачем?

— Затем, что если подобное уже происходило, значит, у этого есть причина. А если причины нет, значит, мы имеем дело с чем-то, чего я не понимаю. И это пугает меня больше всего.

Она перевернула страницу и ткнула пальцем в пожелтевшую запись, сделанную аккуратным почерком.

— Вот. Сто восемьдесят лет назад в монастыре умерли три сестры. Одна за другой. Официально от лихорадки. Но настоятельница пишет, что тела двух из них так и не нашли.

Маргарет почувствовала, как холод прошёл по спине.

— И что с ними случилось?

— Никто не знает. Записи обрываются. Настоятельница умерла через месяц после последней сестры. Её тело тоже исчезло.

Дороти закрыла рукопись и посмотрела на Маргарет так пристально, что та невольно опустила глаза.

— Я не верю в совпадения, сестра. Здесь что-то есть. Что-то, что живёт в этих стенах дольше, чем мы все.

— Ты говоришь так, будто это не человек, — тихо сказала Маргарет.

— А ты думаешь, что человек способен убить сестру и спрятать тело так, что его не найдут? — Дороти подалась вперёд. — Мы обыскали каждый угол. Каждую кладовую, каждый подвал, каждый колодец. Тела нет. Его просто нет. И это значит только одно: либо его забрал Бог, либо кто-то очень хорошо знает этот монастырь.

Маргарет встала, потому что ей вдруг стало трудно дышать, и сказала, что должна помочь Агате на кухне, и Дороти не стала её удерживать, но когда Маргарет была уже у двери, она услышала за спиной тихий голос:

— Если ты что-то знаешь, сестра, скажи мне. Пока не поздно.

Маргарет не обернулась, вышла в коридор и прислонилась к холодной стене, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

Днём Шарлотта собрала всех в трапезной.

Она стояла во главе стола, прямая и жёсткая, как всегда, но под глазами у неё залегли тёмные тени, и это выдавало её с головой, потому что она не спала так же, как и все остальные.

— Мы должны принять решение, — сказала она. — Лодка придёт через пять дней. До этого времени мы должны держаться вместе.

— Ты предлагаешь ждать? — спросила Дороти.

— Я предлагаю быть осторожными. Не оставаться одним. Не выходить ночью из келий. Запирать двери.

— У нас нет замков на кельях, — заметила Агата.

— Значит, будем спать вместе. По двое. По трое. Как угодно, лишь бы никто не оставался один.

Мать Ансельма, сидевшая в стороне, медленно подняла голову.

— Это не поможет, — сказала она тихо.

Все обернулись к ней.

— Что ты хочешь сказать, матушка? — спросила Шарлотта.

— Я хочу сказать, что убийца не приходит извне. И не прячется в тени. Он живёт среди нас, ест с нами за одним столом и молится рядом с нами. И никакие замки не остановят того, кто уже внутри.

Тишина повисла такая, что стало слышно, как ветер бьётся в окна.

— Ты знаешь, кто это? — спросила Дороти.

Мать Ансельма посмотрела на Маргарет, и смотрела долго, так долго, что Маргарет почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Я знаю только то, что Господь испытывает нас, — сказала настоятельница наконец. — И я знаю, что не все испытания заканчиваются спасением. Некоторые заканчиваются гибелью души.

Она встала и вышла из трапезной, не сказав больше ни слова.

Вечером Маргарет пошла в сад, потому что ей нужно было подышать воздухом, и потому что стены монастыря начали давить на неё, как крышка гроба. Розы стояли голые, и ветер гнал по земле мокрые листья, и море шумело где-то внизу, за скалами, и этот шум был единственным, что не вызывало у неё тревоги.

Она села на каменную скамью и закрыла глаза.

— Я не хочу, — прошептала она в темноту. — Я не хочу больше никого.

Голос ответил сразу, мягко и ласково, как отвечает мать ребёнку, который боится темноты.

— Ты не хочешь, чтобы они страдали. Это правда. Но они уже страдают. Страх разъедает их изнутри. Они не спят, не едят, не молятся. Они умирают медленно, каждый день понемногу, и ты это видишь.

— Я не могу их убивать.

— Ты не убиваешь. Ты освобождаешь. Ты забираешь их боль и оставляешь только покой. Разве это не милосердие?

Маргарет открыла глаза, и над морем висела луна, бледная и холодная, и её свет ложился на воду длинной дрожащей дорожкой.

— А если я не хочу быть твоей рукой?

Голос помолчал, и в этой паузе Маргарет услышала что-то такое, от чего по спине пробежал холод.

— Ты уже моя рука. Ты была ею с самого детства. Просто тогда ты ещё не знала.

Она вернулась в келью и легла, не раздеваясь.

Сон не шёл, и она смотрела в потолок, где знакомая трещина изгибалась, как река на старинной карте, и слушала, как за окном кричат чайки, и в какой-то момент в глубине коридора

скрипнула половица, и Маргарет напряглась, прислушиваясь. Шаги. Медленные. Осторожные. Кто-то шёл по коридору и старался не шуметь.

Она встала и приоткрыла дверь.

В полумраке она увидела фигуру, скользнувшую к часовне, тонкую, в тёмном платье, с опущенной головой, и она не успела разглядеть лицо, но сердце её сжалось, потому что она узнала походку.

Это была Кэтрин.

Глава 8. Колокол

Маргарет не стала возвращаться в келью.

Она вышла в коридор и пошла следом за Кэтрин, стараясь ступать как можно тише, и каменный пол охлаждал босые ноги, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Впереди мелькала тонкая фигура в тёмном платье, и Маргарет видела, как Кэтрин то и дело оглядывается, будто боится, что её заметят.

У двери часовни Кэтрин остановилась, постояла мгновение, положив ладонь на дерево, потом толкнула дверь и вошла внутрь, и Маргарет подошла ближе и притаилась в тени колонны, не решаясь последовать за ней.

Внутри было темно, только несколько свечей горели у алтаря, и их свет выхватывал из мрака длинные скамьи и каменные плиты пола. Кэтрин прошла вперёд и опустилась на колени перед распятием, сложила руки и начала молиться, и Маргарет слышала, как её шёпот разносится в пустой тишине.

Она хотела уже уйти, потому что не было ничего страшного в том, что девушка не спит и молится о спасении, но в этот момент голос внутри неё заговорил, и голос был спокойным, как никогда.

— Смотри.

Маргарет замерла.

— Смотри внимательно. Ты видишь её? Она пришла сюда не просто так. Она знает что-то. Она видела тебя в ту ночь, когда ты ходила по коридору. Она боится тебя и хочет попросить у Бога защиты.

Маргарет покачала головой, потому что хотела ответить, что это неправда, что Кэтрин просто испугана, что все они испуганы, но слова застряли в горле.

— Она расскажет остальным, — продолжал голос. — Завтра утром она пойдёт к Шарлотте и скажет, что видела тебя ночью у часовни. И тогда они поймут. Тогда они придут за тобой. Ты этого хочешь?

— Нет, — прошептала Маргарет.

— Тогда иди к ней. Успокой её. Она не должна бояться. Она должна быть счастлива.

Маргарет сделала шаг вперёд, потом ещё один, и она не понимала, что делает, и не могла остановиться, потому что ноги несли её сами, и тело слушалось не разума, а чего-то другого, что было сильнее и древнее её самой.

Кэтрин обернулась.

Она увидела Маргарет и улыбнулась, и в этой улыбке было столько облегчения, что Маргарет на мгновение почувствовала, как что-то внутри неё сжимается от боли.

— Сестра Маргарет, — прошептала Кэтрин. — Ты тоже не спишь? Я так испугалась. Я думала, что я здесь одна.

— Я не могла уснуть, — сказала Маргарет и села рядом с ней на скамью. — Мне тоже страшно.

— Я всё время думаю об Элеонор, — сказала Кэтрин. — Она была такой тихой. Она никогда никому не делала зла. Почему Бог забрал именно её?

— Бог забирает лучших, — сказала Маргарет, и эти слова прозвучали в её устах чужими, будто их произнёс кто-то другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.